УДК 393:316.346.3-053.81

И.А.Разумова

«ЧЕМ ПРОЩЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ» (ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ К ПОГРЕБАЛЬНОМУ ОБРЯДУ)[1].

Аннотация

Рассматриваются типы отношения современной молодежи к погребальным традициям. Социально-антропологическое исследование основывается на текущих полевых материалах, собранных в малых северных городах. Участие в погребении рассматривается как инициационная ситуация, связанная с приобретением нового социального опыта. Автор выявляет отношение молодежи к различным способам погребения, ритуалу в целом и его отдельным атрибутам.

Ключевые слова:

обряды погребения, ритуальный сценарий, современная молодежь, социализация.

---

[1] Статья выполнена по материалам исследований, проведенных при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» по проекту «Погребально-мемориальная культура «советских» городов в XX – начале XXI вв.».

I.A.Razumova

«THE SIMPLER THE BETTER» (THE ATTITUDE OF MODERN YOUTH TO THE BURIAL RITUAL)

Abstract

The article considers the types of attitude of modern youth to the burial traditions. The social-anthropology investigation is based on current field materials collected in small northern towns. Participation at the burial is considered as the initiation situation for youth, because it is connected with the acquisition of new social experience. The author reveals towards attitudes to different ways of burial ritual as a whole and to its individual attributes.

Key words:

burial rites, ritual scenario, modern youth, socialization.

...И я понял, что эта вся печаль по поводу
ухода человека, она связана с культурой.
Антон, 22 г.

Обретение нового опыта: переживание стресса

Для понимания и прогнозирования проблем функционирования современной культуры погребения и способов сохранения памяти об умерших важную роль играет выявление отношения разных категорий населения к тем или иным практикам, а также анализ опыта участия в них. Особую группу составляет молодежь, как принимавшая участие в погребениях, так и не имеющая данного опыта, но обладающая определенными представлениями о соответствующих культурных нормах, не говоря уже об отношении к смерти [Лаврикова, 2010].

Мы основываемся на данных, полученных с помощью биографического метода, исследований случаев, материалах опросов, свободных и полуформализованных интервью (устных и письменных), взятых у представителей студенческой и работающей городской молодежи с высшим образованием 19-30 лет. Биографический опыт, связанный с участием в погребениях, и уровень знаний информантов в данной области значительно различаются.

Участие лиц молодого возраста в погребении может рассматриваться как специфическая инициационная ситуация. В большинстве своем она возникает в случаях смерти родственников, «безвременного» ухода из жизни сверстников или в обстоятельствах общественно значимых похорон, для которых характерно широкое социальное представительство в масштабах локальной или профессиональной общности. Кроме того, молодые мужчины участвуют в похоронах знакомых и даже незнакомых людей (родственников друзей, коллег) в качестве «физической силы», и в этом случае они лучше осведомлены о технологических аспектах погребения. В силу того, что большинство городских жителей Мурманской обл. принадлежат к мобильным семьям, имеющим родственников в других регионах страны, многие дети, подростки, молодые люди впервые сталкиваются с погребально-поминальной культурой во время выездов в «родные места» в отпуск или на каникулы [Змеева, 2010; 2011]. Часто это сельская местность разных регионов России, что усиливает впечатление неординарности, «этнографичности» (экзотичности) соответствующих практик.

Приобщение младшего поколения к сфере смерти и погребения, в первую очередь, определяется семейным фактором: традицией, культурными, в частности воспитательными, установками семьи, личностно-психологическими особенностями родителей. Ретроспективно информанты (разного возраста) склонны, скорее, положительно оценивать такую позицию, при которой детей по возможности оберегают от переживания и наблюдения кризисной ситуации:

«Вместе с мамой они ездили на похороны обоих родителей, но меня с собой не брали. Да это, наверное, и к лучшему, потому что до сих пор я их не ощущаю как умерших, просто такое ощущение, что они надолго куда-то уехали» (12)[2];

«Когда умер мамин брат, который жил здесь, в Апатитах, я была еще маленькая. И когда маме с папой надо было уйти по поводу похорон и всего прочего, она оставляла меня с бабушкой, мама сказала бабушке, что не надо мне говорить об этом, чтобы я вообще ничего не знала об этом» (13).

У тех, кто оказался в раннем детстве свидетелем погребально-поминальных мероприятий, отношение к этому факту двоякое: либо нейтральное – и тогда они утверждают, что сохранили лишь смутные воспоминания об «экзотических» атрибутах похорон (родственники в черной одежде, завешанные простынями зеркала в доме и т.п.), либо негативное – в этом случае информанты не одобряют поведения старших в семье. С первым впечатлением от похорон они связывают сохранившийся на всю жизнь страх, вплоть до физиологических его симптомов:

«Меня когда таскали на кладбище, я там какался, можно так сказать, пошли, сходим к дедушке на могилу, да, я дедушку люблю, но зачем такой стресс для ребёнка?» (2).

По свидетельству информантов разного возраста, пережитый в детстве страх перед мертвым телом – безотносительно к объекту погребения (родному или чужому) – в дальнейшем устойчиво ассоциируется с похоронными атрибутами: кто-то не в состоянии есть пирожки с рисом и пить кисель, другой не выносит черного цвета и т.п. Остаются в памяти детали внешней обстановки: природные явления, погода, кладбищенский ландшафт:

«Снег и вот эти заснеженные могилы, вот этот отпечаток остался» (3).

В подростковом и юношеском возрасте эмоции, сопряженные с ситуацией погребения, уже четко дифференцированы в зависимости от объекта. Молодой мужчина, несколько раз помогавший знакомым на похоронах, заметил:

«Дело житейское, но воспринимается как-то как мебель перетащить. А у родственников, допустим, не хочу говорить за родителей, за сестру, даже думать об этом не хочу» (2).

Вполне естественно, что в рассказах о похоронах эмоциональный аспект ярко выражен. Это относится и к воспоминаниям об эмоциях, и к тональности повествования в момент рассказа или ответа на вопросы интервьюера:

«Слёзы на глазах помню, я плакал. Я просто видел его как он лежал, как-то бывает такой закрытый человек, а он лежал в костюме как настоящий, как

---

[2] После цитат в круглых скобках указаны номера информантов по списку, представленному в конце статьи.

живой, только он уже не живой и у меня такая мысль была, он сейчас здесь, с нами или его уже тут нет?» (3).

Состояние при получении известия о смерти оценивается как «шок» или «потрясение». Ему соответствует остановка времени и любого движения, притупление восприятия внешнего мира, собственно жизни («*время как будто остановилось», «все как в тумане было*» (6). Молодая женщина, которой по телефону сообщили о гибели друга, когда она была в пути, сразу попросила мужа остановить машину (5), и нечто подобное делают многие (замирают, закрывают глаза и пр.). «Шоковым» во многом остается состояние и во время похорон. Одна из форм поведения на церемонии – сознательное или неосознанное дистанцирование от гроба:

«...подходить к... со своим другом, который тебе вчера ещё улыбался, чё-то там смеялся, кривлялся, <...>, а сейчас на него смотреть было больно, поэтому многие стояли в стороне и держались, чтобы не сорваться» (11).

Молодые информанты осознают, что способность справиться с эмоциями приходит с возрастом, опытом и зависит от того, насколько данная смерть «нормативна»:

«Я не думаю, что у кого-то в жизни часто случаются такие вещи, когда там двадцатилетний друг, или сколько ему там было, вот так погибает, вот этому соответствовало всё, родители, понятно в шоке, но это как бы совершенно понятно, что они будут в шоке. Другой вопрос, когда двадцатилетние юноши выходили со слезами на глазах, вот это вот» (9).

Обострение эмоций возникает в определенные моменты погребальных мероприятий и собственно ритуала, которые символизируются в высшей степени:

«Когда нашла, наконец, бабушкин узелок и развернула его, именно в этот момент я поняла, что это всё, что бабушки больше нет и никогда не будет. Я обняла узелок и плакала минут двадцать в голос»; «заехали в ЗАГС, получили свидетельство о смерти, мама так сильно плакала, сказала, что это наглядное подтверждение, что бабушки больше нет»; надо было «съездить на кладбище посмотреть, как вырыта могила, когда я подошла к яме и увидела эту чёрную дыру в земле, я рыдала, мне не хотелось, чтобы бабушку ложили одну в эту тёмную, холодную яму»; «больше всего на свете я боялась услышать, как заколачивают бабушкин гроб» (6).

«смутно помню ... единственно, что было тяжело слушать песню, которую пели в церкви и когда стали закрывать гроб» (8).

Некоторые информанты отмечали, что смена и притупление эмоций наступали сразу после погребения:

«Дома вечером опять бабушка плакала, но уже меньше. Было как-то тяжело, но совсем другое чувство. Все сидели и смотрели в пустоту. В этот вечер быстро легли спать.» (8).

В выражении эмоций во время общественных скорбных и поминальных мероприятий предпочтительна сдержанность. Так, одна из информантов критически отнеслась к выкрикам во время спонтанного митинга в память погибшего друга:

«это было как-то показательно. Если бы просто люди пришли и зажгли те же самые свечи, постояли бы молча, те же самые аплодисменты, аплодировали молча, это было бы намного (.) для других приятней что ли» (5).

Этика скорби сориентирована на то, чтобы щадить эмоциональный мир других, прежде всего, самых близких умершему людей. По утверждению корреспондента местной газеты, его издание при освещении подобных событий исходит из того, «*чтобы лишний раз там не травмировать родных*» (9). (При этом он же заметил, что у каждого издания «своя четкая философия»). Другой информант, критиковавший публичную демонстрацию скорби на интернет-страничках, «остерегся» разместить в группе «Вконтакте» веселую фотографию погибшего друга (2).

Именно «обережными» соображениями мотивируется идея, что родители не должны пережить своих детей:

«смешно или не смешно, но лучше пережить своих родителей. Там просто пойдёт одно за другим, там смерти посыпятся» (2).

В качестве аргумента информант привел историю о том, как вполне здоровый мужчина умер сразу после похорон своего друга – от переживания. Поведением и реальными эмоциями управляет мифологема о том, что близкие, особенно родственники, связаны друг с другом и в смерти (в современной культуре мифологизируется, скорее, эмоциональная привязанность, а не «родовая»).

Эмоциональному стрессу в погребальной ситуации сопутствуют иные «стрессогенные» или просто дискомфортные обстоятельства, связанные с физическими, технологическими и организационными факторами. Информант, которая впервые оказалась на сельских похоронах, вспоминает:

«Вечером пришли три бабушки читать молитвы. Я не могла все это слушать, было тяжело морально, потому, что я впервые была на похоронах, и так близко со всем этим столкнулась. <...>. В дом было очень тяжело зайти, потому, что запах стоял, из-за жары» (4).

Физические неудобства усиливаются, когда тело умершего находится в городской квартире. На этом основании информанты старшего возраста положительно оценивают возможности, предоставляемые городскими ритуальными службами. Вместе с тем, даже при развитии сферы ритуальных услуг, особенно в условиях малого города, остаются проблемы. В процессе их решения формируются определенные модели взаимодействия между субъектами-участниками похорон, выполняющими утилитарные и ритуальные действия [Разумова, Барабанова, 2012]. Один из главных выводов, который сделал для себя молодой мужчина, когда впервые участвовал в похоронах:

«одному очень сложно организовать, я так понял. Знакомым, не знакомым, машинам, морг, вынос тела, внос тела и всё такое. <...>. Чем больше город, тем сложнее. Хотя опять-таки на квадратный метр ритуальных агентств больше» (2).

В дополнение другая молодая участница беседы заметила: «*Тут и бесплатно помогут*». Женщины больше сталкиваются с организационными трудностями, чем с физическими. По утверждению студентки, которой пришлось заниматься похоронами бабушки:

«за три-четыре дня тебе надо оббежать кучу инстанций всяких, там документы сдать, здесь получить, здесь выстоять очереди, договориться с одним, с другим, с пятым, десятым, денег уйму дерут просто, как только могут. И отношение у самих работников такое: мы вот вам всё делаем, а вы неблагодарны, когда ты в таком состоянии, ты ещё должен этим всем заниматься, это очень сложно. Нагрузка эмоциональная ужасная» (5).

Оценки работы ритуальных служб (данные по г. Апатиты) варьируют в широком диапазоне, в целом тяготея к нейтральным. Можно обратить внимание, что у женщин и мужчин критерии частично различаются. Например, критикуя работников, мужчина скорее обратит внимание на качество подготовки места захоронения: *«Всё на том же первобытном уровне. Ну-у-у, как-то всё неаккуратно, всё как попало»* (10), а женщина заметит: *«мне на всех похоронах не нравится, это как в ритуальном зале очень сильно красят покойников»* (7).

Еще одно неудобство, по мнению информантов, сопряжено с длительностью процедуры, особенно если похороны приходятся на зимний период:

«было холодно, реально холодно, мы в машине сидели и грелись, пока эта вся церемония происходила <...>, и это всё происходило так долго» (3);

«отпевали, на кладбище часа два, там все замерзли, помню я очень замерзла, март месяц был, вот прям ветер зараза был такой холодный, <...>, и вот часов в пять-шесть приехали на поминки, и вот сидели они там до упора, часов до десяти-одиннадцати. Можно сказать, целый день провожали» (7).

Наконец, некоторые информанты (женщины) сетовали на затратность похорон (в несколько большей степени на эту сторону дела обращают внимание представители старших возрастных групп), связанную с высокой стоимостью ритуальных услуг в целом или с дороговизной конкретных материалов (в частности, песка для закапывания могилы).

Расширение социального пространства

Участвуя в погребении, молодежь приобщается не только к собственно ритуальной сфере, но включается в сеть специфических социальных отношений в том поле, которое создает данная ситуация. Во-первых, она актуализирует отношения родства, семейно-родственную кооперацию. Многие информанты утверждают, что достойное проведение погребения – это, прежде всего, результат взаимодействия и взаимопомощи родных: «*Мы все были вместе, делали всё вместе*» (6) и т.п. Как известно, именно похороны интегрируют родственников, когда утрачиваются многие другие формы коммуникации. Более того, они начинают рассматриваться как «повод» увидеться с близкими, рассеянными по разным регионам страны. По свидетельству одной информантки, с родственниками они не переписываются и не созваниваются, видятся редко, но, как она сказала, *«по возможности стараемся приехать на похороны, где есть возможность увидеться с теми родственниками, с которыми давно не встречались»* (14).

Во-вторых, в погребальной ситуации четко очерчиваются сети социальной поддержки и выявляются различия между формальными, полуформальными и неформальными (дарообменными, дружескими) отношениями. Последние обладают высокой ценностью, особенно для молодежи. Неформальные молодежные общности в ситуации похорон проходят проверку на прочность [Барабанова, Разумова, 2013]. Наконец, высвечиваются социальные конфликты, которые в иных случаях не столь выражены: экономические, статусные, культурно-религиозные и т.п. Одна из информантов рассказала о потрясении, которое испытала на похоронах, наблюдая острый конфликт, связанный с наследством, между родственниками умершего и его вдовой (4).

Нередки несовпадения оценок тех или иных действий участников похоронных мероприятий:

«но единственное, что мне не понравилось, честно говорю, на меня очень большое впечатление оказало, как, во-первых, в церкви, нет, ну я, конечно, ничего не говорю, это правильно, может, делают <...>, очень не понравилась позиция служителей, которые там женщины, они подошли к бабушке и сказали: «А деньги можно церкви на пожертвования забрать?», – на что ответ был, конечно, отрицательный, потому что денег не было, это все очень дорого, и похороны очень дорогие, и услуги все очень дорогие. Ну вот очень не понравилось, я считаю это небольшой наглостью, я считаю, что деньги клались в гроб не маленькие и с чего церковь должна была их себе забрать» (7).

Функционирование социального поля в ситуации погребения связано с объективными противоречиями, с одной стороны, между возможностями города и административным регулированием похоронной сферы, с другой – потребностями семей, причем не только экономическими, но имеющими мифоритуальную мотивацию. В частности, они касаются выбора места захоронения. Родственники ориентируются на семейную форму захоронений из соображений удобства посещения кладбища и ухода за могилами, а также по культурно-психологическим основаниям. Состояние городских кладбищ далеко не всегда позволяет это сделать, что заставляет либо выкупать места «про запас», либо прибегать к нелегитимным практикам и связям [Елютина, Филиппова, 2010], либо смиряться с ситуацией:

«Получить [место. – *И.Р.*] *не сложно, если бы оно было, щас возникла, давно эта уже ситуация, что не хватает мест, а Москва не даёт, у меня просто знакомые там работают, Москва не даёт разрешение на расширение, говорят, что у вас там ещё есть место, столько гектаров, а народу мало захоронено. Кто-то выкупает и по два, и по три места»* (5);

«место на кладбище нам выделили по знакомству дяди Саши» (6).

В случаях, когда не удается похоронить близкого рядом с родными, возникает оправдательный текст и требуется самоутешение, которое основывается на переинтерпретации значения желательного места погребения:

«мы хотели ее вообще похоронить рядом с детьми, там, где они похоронены, там места вообще нет на этом кладбище, на девятом километре, мест не могли найти вообще, то есть и возможности похоронить ее рядом в этой же оградке с детьми не было возможности» (7);

«Мы сразу решили, что бабушку будем хоронить на «новом» кладбище, хотя дедушка лежит на старом, в сторону Кировска которое, но бабушка никогда не просила похоронить её рядом с дедушкой, да и места там просто нет, мы с трудом у дедушки поставили маленький столик и лавочку. Место, если так можно сказать, оказалось очень удачное, на солнечной стороне, рядом с часовней и рядом с моим другом. Как мама говорила, бабушка всегда любила молодёжь и что ей рядом с ним будет очень весело, и они обязательно подружатся» (6).

Если невдалеке оказываются могилы друзей, знакомых, они компенсируют отсутствие рядом ближайших родственников. Поскольку среди населения городов области очень высок процент переселенческих семей, практика транспортировки тел умерших на их родину является очень распространенной. На сей счет имеют устные и письменные завещания своих родителей и некоторые наши информанты:

«мама <...>, завещание написала и мне рассказала, что она хочет, чтобы где, что было. То есть её вообще нужно было в Белоруссию везти к отцу. Она говорит, там как раз места на всех хватит» (2).

Очевидно, что степень включенности в обряд, наделение его смыслами определяются позицией участника в социальном пространстве погребения. Информанты присутствовали на похоронах в ролях близких и дальних родственников, коллег и соучеников, в двух случаях – формальных организаторов (представителей учреждения). Последние хорошо знают порядок обряда гражданских похорон, добросовестно следуют ему и не вникают в историко-культурное обоснование. Ключевым в определении значения обряда является понятие «помощь». Когда похороны носят общественный характер, их организацией занимается значительное число посредников, включая представителей учреждений, администрации и т.д. При таком распределении функций близкие родственники оказываются в пассивной роли – аналогичной ритуальной. Ритуальное правило неучастия близких в непосредственной деятельности по погребению фактически не соблюдается в случаях частных похорон и не может соблюдаться в силу бытовых обстоятельств. Молодежь не осведомлена о подобных правилах (если это не студенты, изучавшие этнографию), но в старших поколениях о нем что-то знают:

«Могилу копали, мужик пришёл, говорил, что плохо копать могилу, это родственникам, себе копаешь или что-то? Я матери выкопал, отцу выкопал, друзей пригласили, пока копали, бутылку водки раскатили. Да, тяжело, три дня снился отец» (2).

Известен также запрет близким родственникам выносить гроб (*«будто бы смерти его радуются»*). В таких случаях предпочтительна помощь друзей. Возникает, с одной стороны, противоречивая, с другой – вполне логичная ситуация: подготовительные манипуляции с мертвым телом передоверены профессионалам ритуальной сферы, а действия, связанные с гробом и могилой, желательно, чтобы производили если и не родные, то «свои», а не «чужие», в порядке помощи, а не оплаченной услуги:

«И.[3]: *Вы бесплатно копали?* Р.: *Да, я лучше сделаю, чем там заморачиваться. Тем более, я говорю, что там порода-то нормальная, почва, копай да копай»* (2).

Примером служит также эпизод, когда на похоронах молодого человека друзья отодвинули копателей – работников кладбища, чтобы самим «отдать долг» другу (11). В этой связи отношение к деятельности ритуальной службы неоднозначно. С практической точки зрения ее признают и приветствуют, особенно те, кто нуждается в физической, организационной помощи (женщины, в первую очередь). Одновременно наблюдается известное социальное отчуждение от нее по двум главным основаниям: связи со сферой смерти и коммерциализации данной деятельности:

«Коммерция. ...Это бизнес, который никогда не умрет. Не прогадаешь. <...>. Это просто нас разводят на деньги, на чужой смерти зарабатывают деньги люди. Зачем это всё? Тем, кому надо – те помнят» (2);

«И.: *А ты обращался в ритуальную службу, может, за венком или за цветами?* Р.: *Нет, как-то я обхожу эту штуковину стороной, нет, мне не нравится вся эта, всё, что связано с загробной жизнью, всё это оформление*

---

[3] И. – интервьюер, Р. – респондент.

как-то не моё совсем, я вот жду, когда у нас в Апатитах построят крематорий, чтобы умереть» (11).

В целом, можно утверждать, что участие в погребении знаменует новый этап социализации человека, связанный с включением в специфическое социальное поле, с освоением новых социальных ролей и с более глубоким пониманием различных социокультурных противоречий.

Прагматики, философы, традиционалисты

Что касается отношения к собственно ритуалу, его можно распределить на условные типы: 1) прагматичное, 2) «философское», 3) традиционалистское. Первый тип характерен больше для молодых мужчин, по мнению которых участие в похоронах обусловлено необходимостью физической, материальной и психологической помощи близким родственникам покойного:

*«*И.: *Ты считаешь, что не стоит тратиться на похороны?* Р.: *Почти не стоит, только на еду если, чтобы собрать всех вместе, разместить их, кого-то из родственников, лишний повод собраться вместе <...>, собрались, быстро скооперировались и сделали, деньгами помогли»* (2).

Тем же, по мнению «прагматиков», следует руководствоваться в скорбной ситуации при коммуникации в социальных сетях:

«То что [имярек] *умер, там реально нужна была помощь, там у него супруга молодая с ребёнком, там у них дофига кредитов, ипотек, в этом случае надо отражать. И то, в каком виде? Вот у меня умер друг, помогите, пожалуйста. Да нет, просто нужно помощь, те, кто надо, позвонят, спросят, помогут. А так, чтобы прямо возводить на себя аватарки, поставить свечечку...»* (2).

Второй тип отношения связан с определенной рефлексией по поводу посмертной судьбы человека (или, скорее, его физической субстанции), прежде всего, своей собственной:

«я сейчас об этом особо не думаю, но первая мысль, которая мне приходит в голову, чтобы труп сожгли и развеяли пепел. Не то чтобы развеяли, а выкинули в море, в воздух, ещё куда-нибудь,<...>, но на самом деле, если этого не произойдёт, и меня похоронят каким-то классическим способом на обычном кладбище, я думаю, это будет не так плохо» (1).

Если суммировать высказывания на эту тему, можно сделать вывод, что молодые люди предпочитают кремацию захоронению. Для этого находится ряд оснований. Кто-то считает, что захоронение тела делает его доступным для последующего «насилия» (доверие живым, таким образом, отсутствует), причем субъектом выступают некие «ученые» или медики (а может быть, антропологи):

«это же насилие, я уверен, что меня не кремируют, а мои органы ещё отдадут кому-то другим. Кровь всю высосут, в итоге просто оболочка будет. В могилу засунут без скелета кожу просто. А так, сожгли и сожгли» (2).

Предпочтительно, чтобы тело исчезло как можно быстрее (без «останков»):

«Да уже не важно [развеяли или оставили. – *И.Р.*], *главное чтобы кремировали. <...>. Я считаю, что душа после смерти ещё привязана какими-то вот этими нитями к физическому и материальному, и чтобы она быстрее покинула мир живых, в общем, чтобы она освободилась и дальше продолжила свой путь, нужно тело чтобы физическое растлелось. В земле это долгий процесс»* (3).

Другими основаниями являются компактность захоронения урны, отсутствие памятника, *«чтобы не заморачиваться на всё это дело»* (2), упрощенность процедуры погребения и минимизация физических и прочих усилий, в том числе по уходу за могилой, а также возможность избежать вандализма:

«Вот как представлю, все эти венки, цветы, гроб надо заказывать, слёзы, могилу надо копать, а так вышел твой родной человек, взял, пустил по ветру и всё, и опять же отпадает проблема каждый раз ездить на кладбище, чистить могилу. Допустим, ну да, сейчас снег сошёл, надо съездить посмотреть, что там, может могила просела, может ещё что-нибудь, какие-нибудь вандалы придут камней накидают, фотографию стырят» (11);

«Купить участок, оградку сделать, памятник заказать, потом ещё «давайте, нужно съездить, помянуть его, нужно ему что-то привести на могилу». Это обязывает человека. И.: *Ты не хочешь, чтобы тебе были обязаны?* Р.: *Чтобы я никого не обязал, чтобы туда ходили, и ещё своих детей притаскивать»* (2).

Информанты склоняются в пользу кремации не только по отношению к себе, но имея в виду и близких. В связи с такими установками высказывают сожаление, что в малых городах отсутствуют крематории:

«мне очень печально, что у нас в Мурманской области и Петрозаводске, той же Карелии нет этих крематориев, только самый ближайший это Санкт-Петербург. <...>. Не то что далеко, это не проблема, если деньги есть, можно и на самолёте это всё сделать, но да, хотелось бы, конечно, чтобы крематорий был областной какой-то хотя бы» (3).

Вместе с тем, если речь заходила о близких, информанты всегда уточняли, что способ погребения и соответствующий вид обряда должны соответствовать воле умершего:

«это всё ещё зависит от человека, от его желания, если бы он захотел, например, как православный, чтобы его в земле похоронили, я бы не стал вмешиваться в его желания. И.: *Так, а устраивать поминки, вот это бы всё, стал?* Р.: *Православные, наверное, пришлось бы. Потому что люди бы не поняли, если именно захоронить человека, то пришлось бы поминки и всё такое, следовать традициям. А так...»* (3).

При отсутствии волеизъявления считается правильным хоронить *«принятым способом в данном месте»*, как люди скажут и т.п. Можно констатировать, что молодежь занимает достаточно гибкую позицию в вопросе о способе захоронения, особенно когда речь идет о других.

Можно выделить несколько типов отношения к самой обрядовой процедуре, ее элементам и атрибутам. Один из них обозначим как «доверие традиции и экспертам» (если использовать молодежный лексикон – *«главное, чтобы самим не заморачиваться»*). В этом случае на вопросы о том, что обращает на себя внимание в ритуале, что запомнилось и пр., информанты, особенно имеющие хоть какой-то опыт (но и не имеющие его), отвечают примерно так: «все, как обычно»,

«в основном все как по традициям, то есть привезли, бросали горсти земли, как принято, венки свои прилагали» (7).

Выстраивается довольно короткий ряд «нормативных» действий и атрибутов, которые относят к традиционным: бросание всеми присутствующими горсти земли, наличие венков, раздача и бросание в могилу монет, крайне редко что-то другое. Качество похорон оценивается по количеству тех же венков,

цветов, как и по числу людей, которые пришли на прощание, реже – телеграмм соболезнования. В общих суждениях многие информанты вполне традиционно ссылаются на то, что «у нас» («у русских», «в народе» и т.д.) так принято:

«В нашей стране принято ложить в гроб те вещи, которые могут понадобиться умершему на том свете. Мы тоже не исключение – положили в гроб сигареты, зажигалку, иконку, расческу и одели костюм и <...> новые кроссовки» (15).

Разумеется, все подобные названным обрядовые действия и атрибуты заслуживают комментария, но в данном случае нас пока интересовал только примерный спектр «общепринятого».

В рассказах о похоронах часто присутствуют указания на то, что работники морга, ритуальной сферы, рабочие кладбища, работники кафе, в котором заказывали поминки, *«сами знают, что делать»*, *«сами все сделали»*. В конкретных случаях к экспертам относят представителей предприятий и учреждений, которые занимаются организацией похорон, просто опытных людей, которые «часто хоронят», и, разумеется, старших в семье – прародителей. В одной записанной вскоре после похорон семейной беседе внучка упрекнула бабушку в том, что та ей заранее не объяснила правила поведения во время похорон. Близкие родственники едут на кладбище в катафалке вместе с гробом, они последними уходят с могилы – незнание этих и некоторых других правил вызывало ее замешательство в процессе проведения обряда (16). В реальности семейные представления о том, что принято и правильно, значительно варьируют.

Еще один тип отношения к обряду можно назвать «остраненным соучастием». Он характеризуется достаточной степенью рефлексии, умеренным стремлением мотивировать обрядовые предписания (нередко – иронично) и, в общем, равнодушным их исполнением при необходимости поддержать этикет и уважение к старшим:

«Бабушка завесила дома все стекла, а также мониторы от компьютеров и телевизора. Зеркала еще ладно, а мониторы зачем?» (8);

«в течение десяти дней после смерти в доме не включаем телевизор, радио, магнитофон, на вопрос, почему – получил исчерпывающий ответ: "У нас так принято"» (17).

Среди информантов не встретилось таких, чью позицию можно было бы полноправно назвать «включенным соучастием». Данная позиция предполагает более или менее уверенное знание обрядовых норм и смыслов ритуальных действий. Кроме того, не было воцерковленных православных или компетентных представителей иных конфессий, чья точка зрения отличается от массовой и определяется каноном. Отчасти к категории «включенных» можно отнести тех, для кого в контексте горестной ситуации (а может быть, и вне ее) символическими, сакральными смыслами наделяется все, что связано персонально с умершим родственником. Они беспокоятся о «правильности» соблюдения обряда, консультируясь, например, в церкви. Такое поведение отличает женщин, и большей частью оно касается отношений первой степени родства с умершим (дочь – мать; мать – ребенок; сестра – брат или сестра), а также невеста – жених, но чаще всего – внучка – бабушка. Все завещания бабушек безоговорочно и тщательно выполняются:

«У меня с собой была баночка из-под кофе «Чёрная карта», полностью заполненная десяти- и пятидесятикопеечными монетками, эту баночку год

назад отдала мне бабушка и сказала, чтобы я, когда её хоронить будут (.) кинула ей в могилку» (6).

Смерть и похороны близких включают молодых участников в специфический тип ритуальных отношений: между живыми и умершими. Одно из первых проявлений данных отношений, если оставить в стороне собственно мифологические сюжеты и символические «знаки присутствия», – это решение самим умершим проблем практического свойства, связанных с похоронами:

«мне (мама. – *И.Р.*) *сказала найти узелок, который бабушка приготовила ещё лет десять назад себе на похороны. Рассказала, что бабушка оформила доверенность на неё на свою книжку. Поэтому свои похороны оплачивает сама бабушка <...>, бабушка позаботилась обо всём, нам не пришлось занимать денег, просить их у предприятий, где работала бабушка, просить о помощи кого-нибудь»* (6).

О ритуальной атрибутике

Знание ритуального сценария, его содержательных элементов и атрибутов является экспертным. Пространственно-предметная среда, последовательность действий, названия обрядовых реалий для большинства (исключая организаторов) остаются неясными:

«Р.: *Я помню, когда отпевали его, не отпевали, а все когда пришли где (.) это.* И.: *Ритуальные услуги?* Р.: *Где сначала забираешь.* И.: *Да, в морге мы были, там батюшка отпел вот эту вот»* (3).

Непонятна, в первую очередь, церковная процедура, хотя отпевание практикуется в подавляющем большинстве случаев:

«И.: *Как относишься к отпеванию?* Р.: *Никак, не знаю, что это такое, и даже знать, скорее, не хочу»* (1);

«священнику было выделено определённое место, и он там установил стойку для книги, и он начал обычную свою церковную процедуру, вот этим ладаном, насколько я понимаю, и ещё чем-то <...>. И так подходя к каждому по очереди делал этот обряд. Ну, и общие какие-то отпевы для всех делал»[4] (9);

«нас сначала не пускали, потом там батюшка пришёл, совершил там свои какие-то ритуальные действия» (11).

Погребально-поминальная атрибутика воспринимается молодыми информантами как излишняя, «пережиточная», бутафорская и показная; большинство высказываются в пользу «простоты» обряда и «естественности» атрибутов:

«К венкам и памятникам я отношусь не то чтобы отрицательно, но мне это не близко. Гроб чем проще, тем лучше <...>. Если гроба нет, ну нет и нет. А венки мне просто не нравятся, не нравятся просто чисто эстетически» (1);

«Было много венков. И вот это как раз всё очень омрачняет, ну, лучше бы это всё были цветы. Венки как-то смотрятся достаточно убого» (10).

Примечательно, что подобную оценку у некоторых информантов получают новые формы выражения скорби в социальной сети, прежде всего, оформление аватарок «Вконтакте», выставление фотографий, ритуальные тексты-статусы:

---

[4] Речь о коллективном погребении.

«Вот это так же, как венок на могиле из пластиковых цветов. Покойнику он, скорее всего, не нужен, нужен даже не знаю кому, точно так же не стоит. Точно так же, как не стоит заказывать гроб за сто тысяч рублей денег» (1).

Словесная демонстрация чувств допускается только для тех, кто «действительно близкий», ритуализация скорби воспринимается как лицемерие:

«Я вот скептично относился к таким статусам, как «ты навсегда останешься в моём сердце», там «мы никогда тебя не забудем», «зачем, за что и почему», причём так писали люди, которые его один раз видели где-нибудь и всё, ладно когда, действительно, знакомы люди, вот это да, это другое дело» (11);

«и там [официальный представитель на панихиде. – *И.Р.*]*: «говорил тоже такие торжественные речи <...>:«Вот* [имярек] *такой парень был, про него все знали, я думаю: ты вообще замечал его, нет?»* (11).

Думается, для молодежи такое отношение органично и оно больше связано с возрастом, чем с какими-то культурными сдвигами.

Критическую оценку может получать и музыка, которая звучит в траурных залах:

«насчёт этичности трагичной музыки, тоже большой вопрос, если вообще заострять тему на этичности, там, не знаю, она добавляет печали, то есть, не знаю, может быть, люди собрались с мыслями и поняли, что так вот получилось, что делать, и приходят на это отпевание, и им просто взрывают мозг этой супертрагичной музыкой, <...>, опять же я не буду топором убивать динамики в следующий раз, но если бы я это организовывал, я бы не делал такой экшен из этого, то есть я бы не делал музыку. <...>. Может там свои фишки, допустим, как бы помочь родным вот именно в этот день всё выплакать, опечалиться по полной, чтобы потом уже нормально войти в жизнь, не знаю» (9).

Обратим внимание на дискурсивные особенности высказывания. При всей критичности оно не категорично, информант пытается мотивировать противоположное мнение (это можно отнести к большинству суждений молодых информантов). Критика базируется на этических основаниях, поскольку гражданский обряд направлен на живых родственников. Совпадая по направленности с критикой, высказываемой церковью в адрес музыки на похоронах, она отличается мотивировкой: церковный обряд ориентирован на умершего, его душу: «что может чувствовать душа, когда последний земной путь ее оглашается пронзительными звуками труб, так напоминающими рев адского пламени!» [Последний путь].

Другие информанты, рассказывая о похоронах или рассуждая на эту тему, не упоминали о музыкальном сопровождении обряда вообще, а в случае специального вопроса отвечали, что музыку не помнят, не слушали или не слышали (это при всей известной ориентированности молодежи на музыкальную культуру).

К визуальной символизации смерти молодежь относится, в целом, положительно и широко ее использует, прежде всего, в виде фотопрезентаций и иллюстраций с траурной символикой на сетевых страничках. А к фотографиям, сделанным на похоронах, высказывается только отрицательное отношение:

«Мне это не понятно и смотреть на них неприятно» (18);

«мне кажется это диким и непонятным» (19) и т.п.

Образная презентация события явно противостоит натурализму фотоснимков. Социальные сети предоставляют возможность моментального реагирования на событие в виде текстов (обращения к умершему, выражение

скорби, соболезнования близким, стихи и т.д.) и презентаций. В молодежной среде сложились новые формы (презентативные и непосредственно коммуникативные) ритуального сопровождения события – как во время погребальных мероприятий, так и в последующий поминальный период.

Отношение к традиционным поминкам в день похорон соответствует отношению к обряду в целом. «Традиционалисты» констатируют, что все было так, как принято. К «принятому» относят еду, включающую кутью и кисель, алкоголь, речи, или, как чаще говорят, воспоминания. Одна из информантов заметила, что это был *«вечер воспоминаний о хорошем человеке»*. Поминание едой (обязательно пирогами) и алкоголем на кладбище после погребения также считается нормативным:

«Там пирожки были, в общем, выпить, закусить, всё это было, естественно» (5), – как и раздача еды, и угощение алкоголем рабочих на кладбище. Многолюдность поминок оценивается неоднозначно. С одной стороны, она указывает на отношение окружающих к умершему, с другой стороны, заставляет предполагать, что люди приходят отнюдь не для того, чтобы выразить скорбь и сочувствие близким, а только так, по мнению информантов, это должно быть. Оценивается, обычно женщинами, поведение присутствующих как соответствующее или не соответствующее ситуации:

«Похоронив [имярека], *все поехали в столовую, поминать. Народу было около ста двадцати человек. Пришли те, кто даже с ним плохо общался. Всем, на мой взгляд, было не то чтобы весело, но какое-то безразличие. Меня это удивило»* (4).

Другая категория информантов, не отрицая правомочности традиции, отмечает дискомфортность ситуации поминок для себя лично. Такое отношение мотивируется публичностью мероприятия и употреблением алкоголя:

«там все пьют, а я совсем не хотел пить, да и это глупо <...>, не поминки, просто я как-то не хотел находиться в этот день в кругу большого количества людей, которые пьют и так далее. Да, просто не хотелось там находиться, я просто пошёл домой и всё» (10).

Отметим, что о выпивке на поминках отрицательно высказываются молодые мужчины:

«Я даже не понимаю вообще смысл этого всего, какое дело кому-то уже до этого? Давайте выпьем за него, ему уже всё, ничего не надо. Это грешно выпивать за него и венки эти ставить. Прикинь, допустим, в загробной жизни, куда-то попадает в рай или в ад, а тут ему венок преподносят, типа он должен выпить. А употребление алкоголя – это не very good» (2).

Критически настроенные информанты считают, что поминки – «пережиток» или, по крайней мере, сугубо семейное дело:

«всё довольно-таки просто, умер человек и умер, зачем ему приглашать, собирать кучу людей, чисто получается, семейное дело. Меня, отца, мамы, сестры. Да, можно уже бабушки, дедушки, а остальных зачем причислять?» (2).

В отношении собственных гипотетических поминок информант высказался так:

«Опять-таки, сожгли, собрали в урну, чокнулись с ней, опять-таки скромненько, супчика полакали, родственники собрались, обычный ужин провели, вот и поминки» (2).

В завершение отметим отдельные дискурсивные особенности, которые обращают на себя внимание в разговорах с молодыми людьми (в первую очередь, с мужчинами) на интересующую нас тему. Очевидно, в силу не только

специфики речи молодежи, но и слишком большой, пугающей серьёзности темы, в беседах и отдельных высказываниях часто звучит ирония (стёб):

«Да, допустим, как у варваров у мужчин оружие клали, чтобы он там пошёл в воины и вся фигня. Тоже неплохо, можно что-нибудь вместе в могилу закопать, это прикольно.<...>. И.: *Мы тебе геологический молоток положим, что-нибудь в рюкзак и камни.* Р.: *То, что меня характеризует, что я буду там рюкзак, камни, молоток, зашибись, ребята»* (2);

«Я несерьёзно отвечу, я просто боюсь стать зомбаком. Есть мозги, мало ли, может быть, лучше сразу сгореть. <...>. Вон эти шаманы вуду или африканцы, мёртвых они как-то оживляют» (3) и т.п.

Другой особенностью является частое обращение к прецедентам – историческим, этнографическим, литературным. Оно характерно для лиц с высшим образованием и студентов и свидетельствует как об уровне информированности, так и о бытующих стереотипах. Например, рассуждая о том, следует ли класть в гроб умершему какие-либо вещи, информант замечает:

«египтяне же делали это, значит, это что-то значит» (2).

Другой поделился такими размышлениями:

«Я подумал немного <...>, и я понял, что эта вся печаль по поводу ухода человека, она связана с культурой. Если бы это произошло, скажем, в Мексике, то вместо трагической музыки и слёз было бы празднество с весёлой музыкой» (9).

У некоторых информантов прецеденты связаны с какими-то реальными знаниями о местных этнических традициях регионов, откуда переселилась на Север семья:

«если гроба бы не было вообще, людей хоронили как, например, кстати, было принято у коми-пермяков, я точно не помню, хоронили в холщовой ткани, в льняной. Заворачивали в ткань, вроде как гробы не использовали, как минимум, до прихода русских, и я совершенно не против отказа от гроба» (1).

Другие обращаются к историческим сведениям, которые могут быть или обобщенно-стереотипными, книжными, «киношными», или полученными в виде живого предания, например, из семейной истории:

«мне почему-то кажется, что так, не зря же все наши предки там на Руси и так далее, они всех старались сжигать. Либо на плот и в воду пускали и поджигали, огонь очищает» (3);

«Раньше как вообще хоронили людей? У меня бабушка рассказывала, допустим, похоронили, поставили деревянный крест, стоит, потихонечку зарастает, всё падает, и через сколько-то лет сверху могилы ещё одну могилу роют и дальше. Не заморачивались как сейчас, памятники ставят, поэтому я хочу, чтобы меня кремировали» (2).

Понимая, что погребение укоренено в культуре, современная молодежь ищет обоснование собственного отношения к обряду в практиках прошлого своего народа, будь это полумифические «предки» или односельчане прародителей.

Список информантов

1. Мужчина, 30 л., г.Апатиты, образование высшее.
2. Мужчина 27 л., г.Ковдор, образование высшее.
3. Мужчина, 22 л., г.Апатиты, образование высшее.
4. Женщина, 22 г., г.Апатиты, студентка.

5. Женщина, 22 г., г.Апатиты, студентка.
6. Женщина, 25 л., г.Апатиты, студентка.
7. Женщина, 20 л., г.Кировск, студентка.
8. Мужчина, 25 л. г.Апатиты, образование высшее.
9. Мужчина, 22 г., г.Апатиты, образование высшее.
10. Мужчина, 21 г., г.Апатиты, студент.
11. Мужчина, 26 л., г.Апатиты, студент.
12. Женщина, 19 л., г.Полярные Зори, студентка.
13. Женщина, 19 л., г.Апатиты, студентка.
14. Женщина, 21 г., г.Апатиты, студентка.
15. Женщина, 20 л., г.Апатиты, студентка.
16. Женщина, 20 л., г.Кировск, студентка.
17. Мужчина, 20 л., г.Апатиты, студент.
18. Женщина, 20 л., г.Полярные Зори, студентка.
19. Женщина, 20 л., г.Апатиты, студентка.

Список литературы

Барабанова Л.А., Разумова И.А. Современный погребальный ритуал с позиций его участников // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 5 (134). С.45-50. (Общественные и гуманитарные науки.)

Елютина М.Э., Филиппова С.В. Ритуальные похоронные практики: содержательные изменения // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 86-94.

Змеева О.В. «По дороге в отпуск»: жители Кольского Севера в других регионах России // Труды Кольского научного центра. Апатиты: КНЦ РАН. 2010. Вып. 1. С. 40-53. (Гуманитарные исследования).

Змеева О.В. «Я поеду в отпуск домой…» (северяне в гостях у родственников) // Труды Кольского научного центра РАН. Апатиты: КНЦ РАН, 2011. Вып. 2. С. 29-41. (Гуманитарные исследования).

Лаврикова И.Н. Молодежь: отношение к смерти // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 134-136.

Последний путь: о православном обряде погребения / священник Владислав Бибиков // Православие: Таинства и обряды православной церкви: Православный обряд погребения. URL: http://pravoslavie.ssau.ru/?page=32.

Разумова И.А., Барабанова Л.А. Ситуация погребения и похоронный ритуал с точки зрения взаимодействия социальных институтов // Труды КНЦ РАН. Апатиты: КНЦ РАН. 2012. Вып. 3. С. 42-60. (Гуманитарные исследования).

Сведения об авторе

Разумова Ирина Алексеевна,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Razumova Irina Alekseyevna,
Dr. Sc. (History), Leading Research Fellow of the Barents centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS